

Работу выполнил:
ученик 9 «А» Елесенников Никита
Руководитель:
учитель истории и обществознания Логинов В.С.

Лекция

«Ангел в гимнастёрке»

Часть I. Военная арифметика Слобчинской Тамары Федоровны

Те, кто был на войне, вспоминают, что гражданский человек превращается в военного за три дня. Почему достаточно всего трех дней? Или это тоже миф? Скорее всего. Человек там – куда незнакомее и непонятнее.

Во всех письмах я читала: «Я вам не все рассказала тогда, потому что другое было время. Мы привыкли о многом молчать...», «Не все вам доверила. Еще недавно об этом нельзя было говорить. Или стыдно»,... Хочу рассказать всю правду...»¹. О таком человеке и наша работа.

Наша лекция посвящена участнику Великой Отечественной Войны, старшине медицинской службы Тамаре Федоровне Слобчинской (в девичестве - Самусеева).

Родилась Тамара Федоровна в городе Жлобин, что в Белоруссии. Война настигла её и её семью, когда Тамаре Федоровне было 14 лет. Отца призвали на фронт, она с матерью осталась дома, откуда им пришлось вскоре переехать к её бабушке в деревню. Училась она не так, как все: арифметику она изучила, когда мать отправляла её с братом считать вагоны проезжающих поездов или самих поездов в час. Она стала подпольщицей, даже не зная об этом, из-за малого возраста. Мать ей часто повторяла, что они должны беречь Родину и помнить, что это главное и святое.

Из воспоминаний Тамары Федоровны: «Однажды моя мама поручила мне сходить на городской базар и продать кусок мыла. И цену назвала – тридцать рублей. Это была большая сумма, и я засомневалась, что кто-то захочет купить мой товар за такие деньги. Но мама строго наказала не снижать цену. Как я и ожидала, все, кто подходил ко мне, узнав, сколько я хочу за свое мыло, сразу же отходили. Я уже отчаялась, когда возле меня появился невзрачный старичок, такой весь грязный. Спросил, сколько стоит мыло, и, к моему удивлению, сказал: «Дорого, но что сделаешь, я очень грязный, а помыться нечем». И купил его. Позже я узнала, что в этом мыле находилась шифровка, а старичок был связным.

А потом получилось так, что пришел полицай, с этим пареньком вместе в школе учились, правда, он на несколько классов старше. Он пришел и что-то очень долго сидел. Мы с мамой понять ничего не могли, у него ведь на

¹ Алексиевич С.А. У войны - не женское лицо.,- М., 2004, -С.13

рукавах написано, что полицей. А он, оказалось, был связным партизанского отряда. Досидел до 5 часов, а потом маме говорит: «Вы сегодня уходите, потому что вас придут арестовывать». Это он сообщил только при выходе, просидев с 10 утра до 5 часов вечера, вот такая строгая конспирация была. И мама берет моего 10-летнего младшего брата, уходит, а мне наказывает остаться на кладбище, напротив нашего дома, где мы были в еврейском доме. – говорит Тамара Федоровна, позже, отдельно рассказав об ужасах расстрелов белорусских евреев, - и посмотришь, кто к нам придет. Так и сделали. Пришел полицей, тайно, ночью. Я его увидела через дорогу. А мама мне сказала, что потом придешь в деревню Попки², первая хата с краю и там меня найдешь в час дня. А мама мне сняла часы папины, Кировские, большие такие, сказала, что придешь по времени, чтоб я знала, когда тебя встречать. И вот - мимо болот, маленькая речушка и стоят полицей. Они тут начинают, мол, да куда вы идете, не пропустим..А со мной была подруга, Дуся. Она и говорит: «Ребята, вы нас пропустите, потому что мы идем собираем на свадьбу родственников по деревням», а после того, как спросили, где намечается свадьба, указала на свой дом³. Нас пропустили. И вот я прихожу в хату и никого нет, только мамина косынка висит на стуле. И тут входит мама, хватая меня за руку: «Чего ж ты так опоздала?».и мы полем ушли в Косаковку, пришли туда в 11 вечера, мама знала куда идти, знала связного, пароль, который давался на одну неделю, например «пароль - 2 и ответ - 7». Потом маму арестовали - кто-то донёс. Прошло дней 8, ее на ночь выпустили, думали, что к ней кто-то придет из партизанского отряда и схватят тогда. А она не заходя домой, вырвала доску на огороде, наказав только, чтоб я пришла туда и ушли в лес, в партизанский отряд. Командиром партизанского отряда был Бондаренко».

Тамара Федоровна не будучи зачисленной еще в отряд выполняла различные поручения. Из ее воспоминаний: «Как-то командир отряда мне говорит: «Придешь в хату, 5-й дом, в деревне в четверник и говоришь: «Тётя, мне дай кусочек беленького хлеба», тетя если скажет: «Деточка, белого хлеба нет, а есть бульбы в мундирах», тогда ты ей скажешь: «Вас ждут на старом месте, в те же часы и в тот же день». Где это место? В какие часы? – вот меня режь, солью посыпая, я ведь ничего не знала. И вот, командир отряда меня отправляет, говорит, что пойду с тетей Марусей (жена одного лейтенанта, приехала погостить, а началась война и она не смогла выехать, т.к. немцы уже на 3-4-й день приехали на мотоциклах). Она тебя до

² Сейчас деревня Октябрьское в Белоруссии (прим. авт.)

³ Т.Ф.Слобчинская вспоминает, что мама у Дуси умерла, и отец привел домой другую женщину, но отношения с падчерицей, мягко говоря, не сложились. А тут Дусе представился удобный случай не только помочь делу, но и «насолить» мачехе, мол «..пускай ее потормошат».

деревне доводит, а в деревню тыходишь одна, без тетеньки. (Я ее тогда звала тетя Маруся, а ей было 22 года.) Но если в деревне тебе встретятся полицаи, ты снимаешь башмаки с ног и идешь босиком, не важно какое время, какая погода, потому что или в носике или каблуке была защита шифровка. Вот так я ходила на связь. Там где не пройдут взрослые, проходили дети.

Часть II. Слобчинская Т.Ф. - старшина медицинской службы.

Есть у Тамары Федоровны и партизанский билет. В нем еще четко виднеется надпись: «Штаб соединения партизанских отрядов Гомельской области, бригада им. Пономоренко, отряд им. Калинина, должность бойца». Попав в партизанский отряд после соединения с регулярными частями Красной армии (осень 1943г), остается в 106 стрелковой Забайкальско-Днепровской Краснознаменной ордена Суворовой дивизии. После окончательного соединения отряда с нашими регулярными частями, девушку оставили действующим санинструктором (вскоре ей, как наиболее способной, было присвоено звание старшины медицинской службы).

Оставлять Т.Ф. Слобчинскую никто не имел права. Девушке было всего лишь 17 лет. И принимать воинскую присягу в таком возрасте она не могла. Но Тамара Федоровна пошла на хитрость-приписала себе целых два года. В частности об этом догадывались, но в подробности никто не вдавался, ведь на передовой был дефицит бойцов-санинструкторов.

Вот как сама Тамара Федоровна рассказывает о том, как попала из партизан в санроту регулярных частей: «Сначала наш отряд⁴ назывался «Смерть фашизму». Когда отряд стал пополняться, его разделили пополам. Попала с мамой в отряд Калинина. Так под этим отрядом и числилась. Когда мы стояли все 400 человек на берегу Днепра. Пришел покупатель⁵ он подошел и мама мне говорит: «Уходи, уходи! Ну зачем ты идешь? Девочка, молоденькое дитё!», а я отвожу руку и говорю: «Нет, Я пойду!». И когда мы прошли километров 40-50 пешком до штаба дивизии, нас ничем не кормили, нам ничего не давали, и в деревнях голодно, абсолютно ничего нет. Пришли на место - капуста стоит не соленая в кастрюле с водой, противная уже, запах от нее идет, что дышать было не чем. А я подумала: «Сейчас уйду, найду маму и где-то буду находиться». Вышла из леса, стою на дороге и думаю: «Ну куда я пойду?!» И ровно через пять минут вернулась обратно. А когда пришли уже в штаб дивизии начали спрашивать, куда ты хочешь? Я отвечаю: «Хочу в медицину!», - потому что в крови была медиком уже. Отправили в полк, в санроту. Прихожу я в санроту одна, а Дуся подруга моя сказала: «А я пойду поваром». Она помогала готовить, а Тамара Федоровна постоянно

⁴ партизанский, прим. авт.

⁵ человек, который набирал состав дивизии, прим.авт.

крутилась около врача. Врачом была женщина военнопленная (сначала она побывала в плену, потом попала в отряд к партизанам) по званию она была капитаном. Через некоторое время Тамара пошла в роту и началась бомбёжка, такая сильная, врач по имени Аня была ранена. Когда её принесли (ей оторвало ногу) она сказала: «Ну вот, на моё место теперь Тамара пришла». Так Тамара Федоровна оказалась в санроте.

«Когда я была в Польше, нам дали собак-санитаров. И представляете я ползу, и собака рядом ползёт!) Раненому оказала помощь-перевязала его уложила его в човен (челночок) и эти собаки только сказала «Фу» они как припустились, а куда по сей день не знаю. После этого я сказала: «Больше мне собак не давать!» Я вообще собак боялась, а тут вместе с тобой ползет,- вот их на сколько приучили. Как только с раненым рассчитаешься, нужно сказать: «Фу!», - и она знала куда бежать».

Конечно, Тамару Федоровну берегли, как могли. Но в разгар боя за ней трудно было уследить. Она всегда оказывалась в самых горячих местах, там, где в её помощи нуждались наши раненые солдаты и офицеры.

- А с власовцами (сражались, прим.авт.) - я никогда не забуду. В 2 часа начался бой. Во время сражения, когда наши солдаты с пулеметами лежали в окопах, а остальные были на поле сражения я вырвалась из окопа, потому что на поле были раненые солдаты, а командир батальона схватил за руку, говорит: «Дочка, подожди 5 минут, потому что попадешь под свои пули. Твои раненые еще будут». – и мне пришлось ждать...-Вспоминает Тамара Федоровна.

-Как я осталась в живых, не пойму до сего дня,-продолжила она, -ведь могла тысячу раз погибнуть. Но, видно такая у меня судьба. Правда трижды была ранена...

Чудом уцелевшая Т.Ф. Слобчиннская и во время Львовско-Сандамировской операции (лето 1944г).Тогда наши части форсировали Вислу, создав на левом берегу этой реки небольшие плацдармы, известные в истории под общим названием-Сандамировский плацдарм. В этой операции почти вся её дивизия погибла, из не многих выживших была и Тамара Федоровна.

И не мало было у неё таких жарких сражений. В этих боях Т.Ф. Слобчинская спасла жизнь 86 раненым солдатам и офицерам, вытащив их из под огня противника. За этот подвиг она была награждена орденом Красной Звезды.

Часть III. Из воспоминаний Слобчинской Т.Ф.

3.1. Встреча с К.К.Рокоссовским

Бывали, конечно, в военной биографии Тамары Федоровны и курьезные случаи. Один из них произошел во время боев за освобождения Белоруссии. Юному санинструктору поступило задание прибыть в один из наших штабов, где надо было оказать помощь одному из высших командиров.

-Захожу, вспоминает Тамара Федоровна.- Вижу, что в штабе только один офицер. Он стоял ко мне спиной и давал какие то указания по телефону. Продолжалось это довольно-таки долго. Я уже начала терять терпение. А тут еще заметила, что у офицера на лбу скользящая рана и кровь сочится. Пользуясь неписанным для бойцов медицинской службы правом давать указания, не взирая на воинские звания я почти крикнула: "Кто здесь главный?!". Офицер по началу с раздражением развернулся, но, увидев меня, тут же улыбнулся и казал: "Конечно же Вы! Делайте мне перевязку». Как мне потом рассказывали, это был сам командующий Первым Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский.

3.2 Воспоминание об облике западных союзников

Когда была Тамара под Берлином – Берлин горел весь!

Из воспоминаний Т.Ф. Слобчинской: «Были мы на реке Одер, когда пришли американцы, холеные, вычищенные, а мы голодные, оборванные. Никогда не забуду... Идет, сигарета у него во рту, белая на нем рубашечка, под галстуком – приехал открывать второй фронт. А у нас...

Помню, идет наш солдат, и стоит мальчишка лет пяти. Солдат подошел к нему, по голове погладил и говорит: «Фриц!» А малый поворачивает голову и говорит: «Ииван, Ииван.», а наш солдат развернул платочек носовой, выдал кусочек сахара и дал ему. Вот такие наши были солдаты.»

3.3 Победа и завершение воинской службы

Из воспоминаний Т.Ф. Слобчинской:«Последние минуты войны. Вот в 2 часа ночи говорят: «Победа! Победа! Победа!» Дашенька моя плачет сидит. Подходит к ней офицер какой-то и говорит: «Даша, не плачь, еще войны будут!» Она-то от радости плачет, а он ей: «Не плачь, еще войны будут». И вдруг меня вызывает командир санроты, говорит: «Пополняй полностью сумку и сейчас пойдешь на службу». Ничего не сказал, на какую службу. Пополнила санитарную сумку бинтами, ватой, шиной крамера, шиной сеточной. Тут командир говорит, что мне надо идти перевязывать

военнопленных немцев. У меня негодование, говорю, что не пойду. А он: «Нет, пойдешь. Старшина медсанслужбы, повторить приказание». Я встала, под козырек взяла, говорю: «Есть!»,- повторила приказание и со слезами пошла. И до 4-х часов мы с капитаном доктором Трухиным перевязывали немцев. Их было человек 40-50 и между ними сидела женщина немка. Она видела, как я быстро перебинтовываю и по-немецки похвалила за хорошую работу. И вот до 4 часов перевязывали, потом пришла в свое подразделение злая, где наша санрота стояла. Кто чай пьет, кто вверх стреляет, а я плачу: как меня командир мог отправить, партизанку, которая немцев ненавидела, ведь мог же отправить другую сестру.

А после победы мы еще воевали, нас отправили в Прагу на помощь местным повстанцам-антифашистам, которые сражались с не сложившими оружие гитлеровцами. Еще сколько людей, ребят наших молодых погибало... Жалко, конечно, было. Поэтому война закончилась для нас 20 мая.

Демобилизовалась я лишь в феврале 1946 года, а последние 3 месяца служила в Карловых Варах.»

3.4 Семейный очерк «Война и жизнь»

После окончания войны, уже когда она вернулась в Жлобин, поздно вечером в дверь её квартиры раздался звонок, это был Станислав Слобчинский, который прямо на пороге предложил выйти за него замуж. Она хорошо знала этого человека, ибо служили вместе. В начале 1946 года они расписались и переехали из Жлобина в Москву. Супруги Слобчинские жили в браке почти 40 лет и вырастили двух сыновей.

(По материалам беседы с Т.Ф.Слобчинской, записанной на диктофон, ноябрь-декабрь 2014)